

ИСААК ФРИДЛЬ

ОРДЕН
БЕССОННЫХ
или ПРОБУЖДЕНИЕ
ВИКТОРИИ ИГНИС

★ Книжки
Вилли
Винки

Москва
2026

L'Ordine dei Senzasonno. Il Risveglio di Victoria Ignis
Text, art design and illustrations layout: Isaak Friedl
The author thanks Oscarito for his valuable collaboration
© 2025 by Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano.
www.giunti.it

Published by arrangement with The Italian Literary Agency

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается только с письменного
разрешения правообладателей.

Посвящается Бенедетте:

я — это ты, ты — это я, и вместе мы — вся вселенная.

The background of the page is a dense, dark, and chaotic illustration. It features a multitude of grotesque, multi-eyed, and multi-mouthed creatures in shades of purple, blue, and black. These creatures appear to be emerging from or attached to a dark, textured mass. In the center of the page, there is a prominent white symbol: a stylized, symmetrical face or mask with a central point and two curved, wing-like extensions. The overall atmosphere is one of intense, dark energy and horror.

Сын Пустоты сидел на обломках разрушенного Боевого голема, уставившись на Космическое пламя, мерцавшее в нескольких метрах от него. Из раскалённого ядра вылетела искорка, закружила по залу и ударилась о защитный куб, зашипев, как капля расплавленного металла, попавшая в воду.

«Рано или поздно ты будешь принадлежать мне, — подумал Сын Пустоты. — И тогда я узнаю, что значит быть по-настоящему живым».

Незачем спешить. Время для него ничего не значило. Всё это неважно, лишь бы завладеть Космическим пламенем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ И ВОСЕМЬ

Писк электронного градусника нарушил тишину в комнате, и Виктория сунула руку в вырез пижамы.

— Ну что там? — спросил отец из кресла возле кровати, чуть подавшись вперёд.

— Тридцать семь и семь. — Виктория фыркнула и передала ему градусник, потом откинулась на подушки за спиной. — Думала, там больше. Голова просто раскаляется, честное слово. А перед глазами всё кружится. И озноб.

Отец поправил очки в роговой оправе, проверил температуру на экране и отложил градусник на тумбочку.

— Приготовлю тебе чай.

Виктория вздохнула. Только этого не хватало! Завтра первый день в новой школе, вряд ли она произведёт хорошее впечатление, если будет похожа на зомби. За окном раздался автомобильный гудок, запустив цепную реакцию сигналов и криков; казалось, что весь Лондон затеял огромную общую ссору. Луч света от ночника скользнул по серебряной рамке, озарив мамино лицо на фотографии: волосы цвета спелой пшеницы, изумрудно-зелёные глаза, спокойная ласковая улыбка. *Как я скучаю, мама!* Виктория, как всегда, чуть улыбнулась фотографии в ответ.

В этом году, в сочельник, будет семь лет со дня маминой смерти. Семь лет — важная дата, ведь Виктории только исполнилось четырнадцать. Время, прожитое с мамой, сравнивается со временем, прожитым без неё.

— Ромашковый или липовый? — донёсся с кухни голос отца. Виктория вздрогнула, и от резкого движения у неё закололо в виске.

— Лучше ромашковый! С лимоном и имбирём, если есть.

Машины за окном перестали сигналить, пробка постепенно рассосалась, на улицу вернулось спокойствие. На миг ветер прилепил газетную страницу к оконному стеклу, но её тут же подхватило и унесло новым порывом. Серое небо на горизонте сливалось с выцветшими зданиями и размывало их контуры.

Виктория чихнула, высморкалась и убрала платок в карман пижамы.

— Будь здорова! — Отец как раз вернулся в комнату с бежевой керамической кружкой. — Пей, пока тёплый.

— Спасибо. — Виктория взяла кружку обеими руками, от напитка завитками поднимался пар.

— Солнышко, я должен кое-что тебе сказать...

Виктория сжала зубы. «Солнышко...» Дурной знак. С тех пор как умерла мама, папа называл её «солнышком», только когда хотел сообщить что-то плохое.

Отец провёл рукой по седеющим вискам.

— Прости, что говорю в последний момент, но я не смог найти экономку, поэтому... — Он опустил глаза и потёр подбородок большим пальцем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Нет! — Кружка опасно задрожала в руках Виктории. — Зови кого угодно, но только не тётю Эльгу! Пожалуйста!

— Солнышко, поверь мне, я всё перепробовал, но нужно было думать заранее. Мой рейс уже через несколько часов, и...

Раздался звонок домофона, сухой и зловещий, словно электрический разряд.

— Это она? — Виктория замотала головой, как сломанная игрушка. — Она тут? Уже пришла? — Лучше провести полдня у зубного, чем полчаса с тётей Эльгой. Про несколько дней и подумать страшно. — Папа, пожалуйста, возьми меня с собой! Мне гораздо лучше.

— А головные боли? Озноб, головокружение?

— Скоро пройдут. Да уже прошли! — Виктория с деланой беспечностью пожала плечами. — Смотри, я совсем здорова, правда-правда!

— Солнышко...

Снова зазвонил домофон, и отец направился к двери.

— Стой, не ходи туда! — Виктория поставила кружку на тумбочку, выскочила из кровати и повисла на отце. — Ну пожалуйста, не надо! Умоляю!

— Солнышко, прости. Это всего на пару дней. Максимум на неделю.

— Так нечестно!

— Знаю, но мы же договаривались... Помнишь?

Виктория отвела глаза. Да, она сама согласилась на кучу правил, лишь бы остаться с папой, вместо того чтобы чахнуть в какой-нибудь из этих частных школ, больше напоминающих тюрьму. Она чуть ослабила объятия и сделала ещё попытку.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ И ВОСЕМЬ

— Я отлично справлюсь одна. Мне же четырнадцать, я уже не маленькая.

— Вот и не води себя как маленькая! — Отец высвободился из её рук и вышел в коридор. Ковровое покрытие сразу поглотило звук его шагов.

Виктория снова упала на пружинящий матрас. На улице взревел мотоцикл, задрожали оконные стёкла. Запах ромашкового чая с лимоном и имбирём щекотал ноздри.

— Здравствуй, Оскар. — Голос тёти, пусть тихий и далёкий, прозвенел для Виктории словно пощёчина.

— Эльга, добро пожаловать! Спасибо, что приехала. Знаю, всё так неожиданно... Как перелёт?

— Отвратительно. Тесно и шумно. Мог бы купить мне билет в бизнес-класс — с твоей-то зарплатой.

Виктории захотелось спрятаться под одеялом, но любопытство пересилило, так что она выскользнула из комнаты и притаилась за тонкой перегородкой из гипсокартона, отделяющей прихожую от спален.

— Извини, — ответил отец. — Я учту, когда буду покупать обратный билет.

— Про аэропорт вообще молчу! Настоящий свинарник! — не унималась тётя Эльга. — Я слышала, что британцы не отличаются особой чистоплотностью...

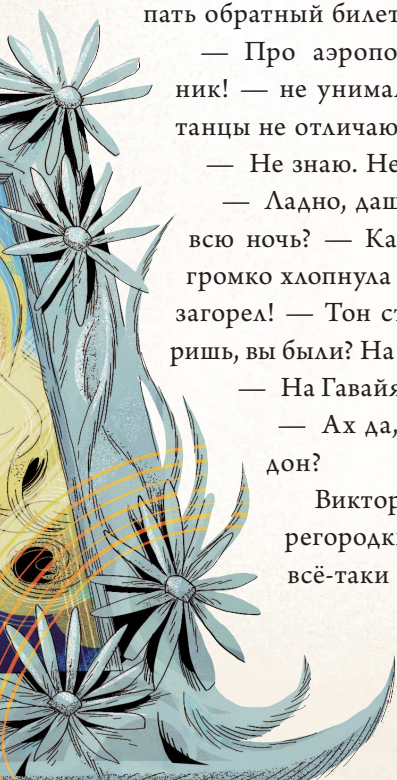
— Не знаю. Не замечал.

— Ладно, дашь мне войти или так и будем тут торчать всю ночь? — Каблуки тёти Эльги застучали по паркету, громко хлопнула входная дверь. — Оскар, надо же, как ты загорел! — Тон становился всё более едким. — Где, говоришь, вы были? На Карибских островах? В Южной Америке?

— На Гавайях. Мы провели полтора месяца в Гонолулу.

— Ах да, Гонолулу. И когда вы вернулись в Лондон?

Викторию так и подмывало выглянуть из-за перегородки, но это было слишком рискованно, и она всё-таки осталась в укрытии, зажав указательным

пальцем второе ухо, чтобы сосредоточиться на том, что влетало в первое.

— Два дня назад, — ответил отец. — Изначально мы собирались жить в этой квартире до конца месяца, но у одного из моих постоянных клиентов возникли трудности в Австралии, и мне нужно ехать к нему. Я бы взял Викторию с собой, но сегодня днём она заболела, и...

— Знаешь, этого следовало ожидать. — Тётя Эльга неодобрительно причмокнула. — Вы же как юла, крутитесь-вертитесь, никогда не останавливаетесь. С таким режимом любой ребёнок станет болезненным.

Виктория сжала руку в кулак, ногти больно впились в кожу.

— Она всё такая же тощая? — продолжала наседать тётя. — В прошлый раз твоя дочь была похожа на ходячий скелет.

— Эльга, давай не будем обсуждать наш с Викторией образ жизни. Главное, что я уезжаю на неделю, и мне очень нужна твоя помощь. Агентство займётся уборкой и покупками. Я прошу тебя только готовить, водить Викторию в школу и встречать после уроков. На кухне листок с адресом. Вот и всё.

— Ну и манеры. Кто так разговаривает с золовкой?

— Там же я оставил пустой чек на случай непредвиденных трат. А теперь прости, мне нужно бежать.

Виктория бесшумно, как кошка, проскочила обратно в комнату, нырнула в постель и спряталась под одеялом. Над чашкой с ромашковым чаем всё ещё поднимались завитки пара, а ночник освещал комнату мягким янтарным светом. За окном на карнизе уселся голубь и, выпятив грудь, принялся чистить перья от городской пыли и гари.

— Солнышко... — Шаги отца замерли у постели. — Пожалуйста, не злись. — Он погладил её по волосам, очерчивая полукруг. — Поверь, мне так же тяжело, как тебе.

Виктория, как чере-
паха, высунула голову из-под
одеяла.

— Знаю. Но обещаю, что больше не будешь
оставлять меня с ней!

— Обещаю. — Отец поцеловал её в лоб и растрепал
чёлку. — Я очень тебя люблю. А теперь отдыхай и выздорав-
ливай. Позвоню, как прилечу.

— Я тоже тебя люблю. Счастливого пути!

Отец вышел из комнаты, а следом за ним взмыл в небо
и голубь на карнизе. Виктория взяла с тумбочки свой чай
и не спеша сделала глоток, морщась от кислоты лимона. В жи-
воте заурчало, и она вспомнила, что за весь день съела лишь
горстку миндального печенья.

— Спасибо, Эльга. — Голос отца из коридора возвестил
об официальном начале кошмара. — Я у тебя в долгу.

— Да уж, это точно! — Тётя прочистила горло, как будто
готовилась произнести торжественную речь. — Ещё раз нагру-
бишь — и больше на меня не рассчитывай. Я слишком любила
сестру, чтобы отвернуться от тебя и родной племянницы, хотя
вам до меня нет никакого дела.

— Прости, Эльга. Ты права, я погорячился. — Звякнуло
что-то металлическое. — Вот ключи. Если что, звони.

— Не волнуйся, я уж как-нибудь справлюсь.

Входная дверь со скрипом открылась, а затем гулко захлоп-
нулась.

Виктория натянула одеяло на подбородок, прислушиваясь
к стуку каблуков тёти Эльги в коридоре.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Можно? — Не дожидаясь ответа, та вошла в комнату и принялась осматриваться, поджав губы. Спина и шея вытянуты стрункой, мышино-серые волосы собраны в гладкий пучок. — Давай сразу проясним несколько моментов, деточка. — Сморщенный рот густо намазан фиолетовой помадой, а тонкие, как ниточки, брови изогнуты дугой. — Во-первых, я тебе не подружка и не собираюсь ей становиться. Во-вторых, я не потерплю капризов и дерзостей. В-третьих... — Она подошла к двери, вытащила ключ из замочной скважины и потрясла им в воздухе. — Только попробуй меня разозлить, и я запру тебя без еды и воды, пока не усвоишь урок.

Виктория сглотнула и прикусила внутреннюю сторону щеки. Она знала эту тираду наизусть. Тётя Эльга произносила её при каждой встрече. Впрочем, в последний раз, три года назад, она ещё не грозила племяннице голодной смертью, но суть всегда оставалась той же. И, увы, тут ничего не поделаешь. Виктория уже пыталась спорить, пыталась не обращать внимания, и оба способа не сработали. По правде говоря (от этой мысли у неё свело живот), пока папа не вернётся, тётя Эльга будет держать её в тисках. Сжимая всё сильнее и сильнее, пока не захрустят кости...

— Да, тётя. — Усилием воли Виктория заставила себя кивнуть. — Я знаю.

— Тем лучше для тебя, деточка. — Тётя Эльга перевела взгляд на часы. — Что ж, думаю, на сегодня всё. Разбужу тебя в шесть утра, измерим температуру и решим, идёшь ты в школу или остаёшься дома. А пока нужен отдых и целебное голодание. — Она щёлкнула выключателем на стене, ночник у кровати погас. Комната погрузилась в темноту, которую нарушало лишь тусклое свечение уличных неоновых вывесок. — Никаких смартфонов, телевизоров и прочей электронной чертовщины. — Тётя Эльга захлопнула дверь и загрохотала в коридоре, как слон в посудной лавке. — Буди меня только в крайнем случае! — крикнула она напоследок.

Что, видимо, значит «только если будешь при смерти». Конечно, тётя. *И тебе спокойной ночи, сладких снов.* Виктория хотела было достать из рюкзака планшет и включить фильм или новый сериал, но резкая боль в висках заставила её передумать.

Она нащупала на тумбочке градусник и сунула его под мышку.

Сирена скорой помощи заглушила рокот двигателей на улице; проехала машина, и свет фар озарил комнату, безликую, словно гостиничный номер: ни постеров на стенах, ни журналов, ни косметики или разбросанной одежды. Почти никаких личных вещей, кроме оранжевого рюкзака, чемодана на колёсиках, снизу доверху облепленного наклейками со странами, в которых она побывала, и серебряной рамки с маминей фотографией.

Как я скучаю, мама... Виктория часто вспоминала их торопливые завтраки в кафе на первом этаже, походы в кино, всегда с карамельным попкорном, и длинные прогулки по парку в поисках необычных предметов. Это было их любимое занятие. Они часами бродили по дорожкам, внимательно глядя под ноги, и подбирали всё, что находили, — в основном заколки для волос, зажигалки, пластмассовые игрушки, — а потом сочиняли про них невероятные истории. Как ей этого не хватало! Не хватало субботних круассанов в постели, вечерних настольных игр, колыбельной на ночь... Не хватало даже их ссор! В последний раз они поругались из-за беспорядка в комнате, за несколько дней до маминей смерти.

— У меня есть занятия поважнее уборки! — с плачем кричала Виктория.

— Всегда будет что-то поважнее, зайка. — Мама опустилась рядом с ней на колени, чтобы вытереть залитые слезами щёки. —

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Но подумай, какой ты хочешь быть? Часто нас определяют подобные мелочи. Важно ценить и беречь то, что у нас есть. Всегда приятнее общаться с людьми, которые заботятся о других, правда же?

ПИП-ПИП-ПИП!

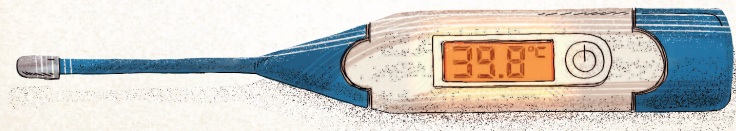
Запиликал градусник, возвращая Викторию к реальности. *Ну что там?* Она посмотрела на дисплей и не поверила своим глазам: тридцать девять и восемь! *Как же так? Только что было тридцать семь!*

Виктория потрясла градусник, но цифры не изменились: 39,8. Она приложила руку ко лбу, ладонь сразу стала горячей. На миг она засомневалась, не позвать ли тётю Эльгу, но от одной этой мысли ей стало ещё хуже. *Нет уж, как-нибудь потерплю.*

Пока температура не поднялась до сорока, это не опасно. И то, пора беспокоиться, только если жар держится несколько дней. По крайней мере, так говорили родители. «Небольшая температура ещё никому не вредила», — любила повторять мама. «Именно! К тому же от неё дети лучше растут», — добавлял папа.

Насчёт второго утверждения у Виктории уже возникали сомнения, всё-таки метр пятьдесят восемь — далеко не самый высокий рост. Зато в первое она продолжала твёрдо верить. Да, она чувствовала слабость, и её знобило, но, как известно, сон — лучшее лекарство.

Виктория послала воздушный поцелуй маминой фотографии, опустила голову на подушку и закрыла глаза. *Спокойной ночи, мама. Сладких снов.*

— Повелитель! Повелитель! — Командующий некростами вбежал в зал Космического пламени и пал ниц на холодный каменный пол.

— Говори. Что случилось? — Сын Пустоты сверкнул на него своим единственным кроваво-красным глазом.

— Повелитель, Древняя лихорадка только что пробудила девочку!

Сын Пустоты бросил взгляд на Космическое пламя в центре зала.

Весть должна была удивить его, и всё же, как всегда, ничто даже не шевельнулось внутри. Ему знакомо лишь одно чувство, заполнившее его в тот самый миг, когда он был порождён Великой Матерью, — абсолютная пустота. Тёмный провал, глубокий, словно космическая бездна, которую невозможно наполнить.

— Сообщи всем миражникам башни. Пусть будут наготове.

— Слушаюсь, повелитель! Сию минуту! — Некрост последний раз поклонился и исчез во мраке.

Сын Пустоты кивнул и остался стоять неподвижно, не отводя взгляда от Космического пламени.